

Середина августа. Поезд Архангельск — Москва. Я возвращаюсь домой. Примерно семь часов утра. Остановка в пути. Станция «Вологда». Поезд стоит двадцать пять минут. На перрон к поезду высыпают женщины с котомками всякой снеди. Громко зазывая, наперебой предлагают пассажирам горячий молодой картофель, малосольные огурчики, ведра свежих огурцов, репчатый и зеленый лук, всякую зелень. Многие пассажиры выходят из вагона. К ним тут же подбегают женщины со своим товаром. Покупатели прицениваются, для виду, наверное, — берут все охотно. Поезд идет долго, а свежей горячей картошкой как не соблазниться, проехав целую ночь в поезде. Через открытое окно слышен оживленный гомон. Торговля идет бойко.

Я с любопытством наблюдаю, глядя из окна вагона за снующими взад-вперед торговками. Большею частью это пожилые женщины, просто одетые, в каждой из них угадывается обремененная заботами о детях и внуках бабушка. Есть и молодые мамочки своих деток, пытающиеся заработать по случаю для них копейку.

Чувствуется, что это налаженный бизнес, и люди, торгующие здесь, делают так не в первый раз, быстро оценивая потенциального покупателя. Да и покупателями являются преимущественно женщины, обремененные семьей, на чьих плечах держится весь ее уклад с решением проблем по питанию домочадцев, а кроме всего прочего, еще и заготовок на зиму.

Как тут не соблазниться на ведро свежих — один в один — огурчиков, только что сорванных с грядки, или на килограммов пять отборного репчатого лука, или пучка свежей ароматной зелени. Товар-то весь добротный, и цена приемлемая.

В Ярославле или Москве на рынке все это будет гораздо дороже. А здесь бери — не хочу, прямо к поезду. Товар разлетается вмиг. Смотрю, что многие торговки пришли с запасом: еСТЬ примелькавшиеся лица, которые, продав одну порцию товара, принесли еще.

Почему бы и нет, если торг идет успешно.

На перрон вышла молодая пара из соседнего вагона, купили воду, сигареты и что-то еще в ближайшем киоске, прошли мимо, с интересом наблюдая за процессом продажи огурцов — не соблазнились. Молодежь не хочет обременять себя лишними

хлопотами и любит путешествовать налегке. Вспомнила себя в их возрасте. Им примерно лет восемнадцать — двадцать. Пришло бы мне на ум, следуя поездом Москва — Тюмень, например, прикупить в Арзамасе ведро огурцов? Улыбнулась — сама себе, ответив отрицательно. В молодости я очень любила путешествовать, я и сейчас люблю, только дорога стала больше утомлять последнее время — возраст сказывается.

Как-то неожиданно среди этой суеты мой взгляд остановился на женщине, которая стояла несколько в отдалении. Она привлекла мое внимание тем, что производила впечатление человека, вышедшего на прогулку: сделает несколько шагов по перрону — остановится, глядя отрешенным взглядом по сторонам. Невысокая, стройная, на вид ей лет семьдесят — семьдесят пять, на голове шляпка, одета в летнее пальто темного цвета — немного поношенное, на ногах аккуратные темные туфли под цвет пальто. Весь ее облик казался архаичным. Так выглядели интеллигентные дамы двадцатых — тридцатых годов прошлого века.

В руках у нее был чудесный роскошный букет из гладиолусов. Он ярким пятном высвечивался на фоне этой вокзальной суеты как нечто инородное, которого здесь по всем правилам вокзальной торговли никак не должно было быть. Но оно было! Вот оно, реально осязаемое, праздничное, на фоне обыденного — и фигурка этой женщины... и ее букет!

Я стала за ней наблюдать, пытаюсь угадать, кто она и что здесь делает? Может, она пришла кого-то встретить к поезду? Наверное, нет, отбросила я эту мысль — поезд стоит уже минут пятнадцать, а она все не уходит. Значит, она пришла продать этот ослепительный букет, но интеллигентность не позволяет ей активно навязывать покупку кому-либо, и она просто стоит посередине платформы с букетом, терпеливо ожидая, что кто-то сможет по достоинству оценить всю красоту ее цветов. Наверное, она права — настоящая красота не нуждается в дополнительной рекламе.

Огурцы, лук, картошка, наконец, проданы, и толпа продавцов отхлынула с перрона, как бы обтекая женщину с букетом. Она продолжала стоять. Все пассажиры вернулись на свои места, обсуждая выгодные покупки. Поезд тронулся, женщины в соседнем купе делились рецептами заготовок огурцов на зиму. Кто-то уже приступил к дегустации картошки с огурцами, и по вагону распространился аппетитный запах малосольных огурчиков. Кто ехал в поезде на дальние расстояния, не раз мысленно поблагодарил женщин-тружениц, которые этими изысками радуют пассажиров в пути.

Я долго смотрела в окно, и перед моими глазами все стоял этот образ женщины с букетом гладиолусов, которые так никто и не купил.

Кто она? Чувствуется, что она одинока. Возможно, музыкант или библиотекарь, а может быть, как и я — учитель. Судя по ситуации, которую я только что наблюдала, о ней можно сказать — не от мира сего. Разве человек-прагматик, имеющий здравый смысл, понесет на вокзал к поезду продавать букет гладиолусов, если там ходовым товаром являются овощи. Значит, не о выгоде думал человек, а просто она несла красоту, которая, может, кому-либо пригодиться — не ей же одной таким великолепием любоваться!

Есть люди, которые в хорошем смысле выпадают из реальности, подумала я о ней. Может, не одна я любовалась этим букетом. Может, в поезде ехал какой-то художник, который напишет картину, вдохновившись этим видением, или — музыкант, который создаст новое произведение под названием: «Вологодские цветы». А может, кто-то, как и я, сидя в вагоне, просто будет любоваться цветами, размышляя о красоте, ее роли в жизни человека, о судьбе этой женщины, о том, что из себя представляет наш прагматичный век, с извечной суетой и потребительским отношением ко всему.

Может, эта неординарная ситуация просто перевернет чье-то сознание и заставит на миг остановиться в повседневном беге за материальными благами, чтобы задуматься о своем смысле жизни, по-новому взглянуть на себя со стороны и оценить место и роль, состояние своего внутреннего мира, своих истинных потребностей и приоритетов. Ведь не только хлебом насущным жив человек.